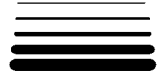

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

Школа философствования

НАЧАЛА ФИЛОСОФИИ*

Раздел V. Философия истории

Глава 13. История как прогресс свободы

§ 25. Разум и история

§ 26. Свобода и история

Б.В. МАРКОВ

§ 25. Разум и история

Рождение истории. По-видимому, к первым формам исторического сознания относятся мифы и легенды, в которых описывается сотворение мира. Правда, люди там играют второстепенную роль, что, однако, не мешает им вмешиваться в дела богов и действие природных сил. Замечательные сочинения первых историков человечества Геродота и Фукидида (V в. до н.э.) переносят нас в иной мир. В них изучаются уже человеческие поступки, их причины и последствия. Поэтому история у греков становится *наукой* и отличается от хроник, преданий и иных форм *запоминания* и *регистрации* прошлых событий.

Во-первых, история знакомит с героями, подражание образу жизни которых возвеличивает человека. Во-вторых, она показывает, что субъективные амбиции, жажда власти и богатства нередко приводят к таким последствиям, которые разрушительно действуют на общество. В-третьих, она дает представление о «вечном» в человеке, т.е. о его природе и духе, его пороках и добродетелях (о чем особенно много писали римские историки).

Христианство придает новый импульс истории; оно сообщает историческому сознанию *эсхатологический* характер – озабоченность человека своей конечной судьбой – Страшным Судом и концом света. Благодаря этому христианская модель истории углубляет наши исторические представления. Полагая Бога в качестве первопричины и творца истории, христианская модель указывает на зависимость истории от воли человека и налагает на него ответственность за все происходящее. Человек вы-

* Продолжаем публикацию материалов учебника «Начала философии», подготовленного коллективом петербургских авторов (см.: Философские науки. 2010. № 5 – 12; 2011. № 1 – 10; 2012. № 5, 6, 8, 11).

ступает как средство и одновременно цель истории, ибо божественные предначертания разворачиваются в ходе его деятельности. Важная заслуга христианского понимания истории — идея *универсальной истории*, согласно которой история разных народов включается в единый общемировой процесс.

В начале Нового времени — века Разума — отношение к истории было скептическим. Она казалась хранилищем разного рода устаревших традиций, обычаев и предрассудков. Разум первоначально осознал себя в качестве силы, противоположной истории, и способствовал ее критике. Постепенно в соответствии с рационалистическими идеалами естественных наук строится новая теоретическая модель исторического процесса и исторического познания. Если раньше интересовались событиями и фактами, то теперь интересами, намерениями и целями субъектов истории, а также методологическими, теоретическими и ценностными установками самих историков. Обоснование возможности исторического сознания открывает век *историзма*. В это время складывается прообраз современного исторического мышления, и как следствие возникают представления об историческом процессе формирования языков, нравов, законов, государственных институтов и других исторических образований.

Идея всеобщей истории. Кант. Решающим фактором единства, начиная с XVII в., становится наука. Формируется идеал господства разума над обществом. Старое феодальное строение, созданное совместными действиями церковной и феодальной власти, преобразуется в рациональную конструкцию, в основе которой лежит *право*. В работе «*К вечному миру*» Кант сформулировал законы, по которым люди живут во всемирно-гражданском состоянии. Должен существовать особого рода союз, который можно назвать «союзом мира», который положит конец войнам раз и навсегда. Его задача в том, чтобы обеспечить свободу государств, причем без принуждения, как в случае объединения индивидов.

Сущность человека, по Канту, состоит в его разумности. Разумное существо — это и есть гражданин мира, ибо разум не зависит от цвета кожи и национальности. Более того, он способствует преодолению биологической агрессивности и эгоизма. В принципе космополитический подход к человеку как гражданину мира не должен вызывать возражений, если применять его в гармонии с другими требованиями. Трудность в том, что как права, так и моральные обязанности являются универсальным по определению. Однако родина требует патриотизма, семья и дети — патернализма, профессия — исполнения должностных инструкций. Гуманный космополит, опирающийся на права человека, неизбежно вступает в конфликт с инстанциями государства.

В работе «*Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане*» Кант предлагал в качестве предмета истории как науки изучать не переживания и намерения отдельных мужчин и женщин, а человечество в целом. «Отдельные люди и даже целые народы мало думают о том, что когда они, каждый по своему усмотрению и часто в ущерб другим преследуют свои собственные цели, то они незаметно для самих себя идут к неведомой им цели природы и содействуют достижению этой цели, которой, даже если бы она стала им известна, они бы мало интересовались»¹. Отсюда

закономерно допущение «нечеловеческой» цели истории. Величайшая проблема для человеческого рода — это достижение всеобщего правового гражданского общества, в котором сочетается личная свобода и принуждение к признанию свободу других. Главную проблему Кант видел в том, чтобы господин, которому доверена верховная власть, заставляющая свободных индивидов подчиниться общепризнанной воле, сам был справедливым человеком.

Отношения между государствами Кант рассматривал по аналогии с конкуренцией людей. Он верил, что войны и бедствия, проистекающие от войн между государствами, заставят найти такое гражданское устройство, которое обеспечит безопасность людей. Кант предлагал описать историю человеческого рода как выполнение тайного проекта природы: образование всемирного гражданского общества. Принимая несовершенство человека, принимая в самой крайней форме «злую недоверчивость» людей, их стремление к господству и наживе, Кант стремился доказать, что даже самые эгоистичные и злобные существа вынуждены принять всемирно гражданское состояние. Точно также национальные государства вынуждены не только воевать, но и сотрудничать друг с другом.

В «Критике практического разума» Кант считал, что нравственность предполагает свободу от биологических, социальных и экономических факторов. В своих зрелых работах он принимает человека как природное и социальное существо: «При помощи эгоистических склонностей, которые естественным образом даже внешне противодействуют друг другу, разум может использовать механизм природы как средство для того, чтобы осуществить свою собственную цель — предписание права — и этим способствовать внешнему и внутреннему миру»². Конечно, это сильная идеализация истории. Если посмотреть на мотивы человеческих действий, то может охватить печаль: в истории «все соткано из глупости, ребяческого тщеславия, а нередко и из ребяческой злобы и страсти к разрушению»³.

Выход состоит в том, чтобы признать: «Средство, которым природа пользуется для того, чтобы осуществить развитие всех задатков людей, — это антагонизм»⁴. Кант соглашается с английскими философами, что идиллическое единство ведет к застою. Поэтому он благословляет природу за свойственные человеку неуживчивость, завистливо соперничающее тщеславие, ненасытную жажду обладать и господствовать. Без них все превосходные задатки человечества оставались бы навсегда неразвитыми.

Природа и история. Гердер. Гердеровская «Идея истории» (наряду с трудами Вольтера и Гиббона) обычно расценивается как наиболее основательная версия философии истории эпохи Просвещения. Она опирается на следующие принципы:

1. Человек по природе свободен и не нуждается в господине.
2. Естественное государство состоит из одного народа со своим национальным характером.
3. Главная цель любого человеческого союза — взаимопомощь и обеспечение безопасности. Естественный порядок — это такой, когда каждый делает свое дело.

Гердер рассматривает человека в перспективе не только теории эволюции и космогенеза, но и антроподицеи. Далеко не все философы эпохи Просвещения были материалистами и атеистами. Многие видели свою задачу в опровержении веками накопившихся предрассудков, в научном или моральном обосновании религии. Гердер прибегал в объяснении гармоничного устройства природы, сходства структуры всех ее форм к ссылкам то на естественные законы, то на мудрый план Творца. Словно и нет никакой противоположности науки и религии. Он с равным поэтическим восторгом глорифицирует законы природы и план Создателя, но не забывает при этом славить человека, в котором видит завершение как природных, так и божественных усилий. История человечества встроена в этот мудрый план и именно его наличие, а не сама по себе беспечная вера в прогресс дает основания для оптимизма. Однако генетический подход Гердера, унаследованный от Канта, несмотря на пестроту его мысли неизменен: культуру и ее формы (язык, литература) нужно изучать как продукт эпохи, народа, ландшафта. Это проявляется в учете природного и даже физиологического фактора. Мы заложники земного ландшафта, климата, географии.

Заслуга Гердера в том, что для реализации своего проекта всеобщей истории он собрал и обобщил многообразные как естественнонаучные, так и исторические данные. Например, вопрос о цели и назначении человека не сводится к ориентации на высшие моральные ценности, а ставится в аспекте ответственности за место обитания, которым является Земля. Рассуждения Гердера подчас прямолинейны: например, из того факта, что она является средней планетой, выводится ограниченность человеческого разума и морали. Конечно, не совсем ясно, насколько шарообразность и вращение Земли определяют особенности человеческого духа, но несомненно, что климатические условия, соотношение воды и суши, равнин и горных хребтов влияют на развитие ранних культур, в которых коды почвы и крови играют решающее значение.

Описывая человека как часть Вселенной, Гердер заключает: «Наши мысли, наши силы и способности, очевидно, коренятся в строении нашей Земли»⁵. Мы рождены на ней, и это наша судьба. С современной точки зрения «Идея истории» Гердера представляет собой проект того, что сегодня называют «геофилософией». Речь идет о географическом, геополитическом и культурном ландшафтах Земли, которые определяют как судьбу народа, так и философию интеллектуалов.

Гердер высказывает предположение, что человеческая порода во многом определяется атмосферой, которая включает кроме воздуха и испарений (запахов) и химических смесей (газов) электрические и магнитные потоки. Антропологическое значение воздуха явно недооценивается. Между тем его чистота и аромат имеют наиважнейшее значение для жизнедеятельности. Судя по тому, как активно развивается рынок очистителей и ароматизаторов воды и воздуха, наша атмосфера становится все более загрязненной. Это заставляет более внимательно отнестись к атмосферным параметрам нашего существования. Дело не исчерпывается процентным содержанием кислорода или углерода. Гердер отмечает значимость прозрачности и упругости воздуха: «И различия между

людьми, и различия между всеми произведениями земного шара объясняются, стало быть, специфическими свойствами той среды, в которой мы живем, словно бы в теле божества»⁶. Гердер высказывает предположение о будущей науке, в которой будут интегрированы все знания о влиянии химического состава и температуры атмосферы на развитие телесной и духовной природы человека. Сама земля с ее атмосферой воспринимается Гердером как теплица, в которой выращиваются человеческие существа. Ссылки на малоизвестных ныне авторов свидетельствуют, что Гердер был не одинок в своем поэтико-антропологическом восприятии атмосферы и климата.

Судя по месту, которое занимают сообщения о погоде в выпусках новостей, атмосфера воспринимается нами гораздо шире, нежели она трактуется в учебниках. То же самое касается и климата, изменение которого так беспокоит человека. Поэтому политики также вынуждены демонстрировать заботу об экологии. Даже если выяснится, что прогнозы о глобальном потеплении сильно преувеличены, это не снизит накал дискуссий о климате. Стало быть, есть какой-то метафизический интерес к климатическим характеристикам нашей окружающей среды. Ведь атмосфера, в которой мы живем, определяется не только физическими и химическими, но и психологическими, духовными параметрами.

Ландшафт Земли задает не только места оседлости, но и динамику народов. Реки и горы образуют как наступательные, так и оборонительные рубежи. «Проведя цепи гор, проведя линии сбегаящих с гор рек, природа установила как бы общие, но неизменные начертания человеческой истории»⁷. Моря, реки и горные цепи образуют естественные границы стран и народов, стремящихся сохранить свои традиции. При этом реки и моря не только разделяют, но и соединяют народы. Они образуют коммуникационные каналы, по которым движутся люди, товары, знания и другие культурные достижения. Например, Средиземное море, по которому циркулировали достижения Греции и Рима, определило лицо Европы.

Таким образом, важным достижением Гердера можно считать синтез естественных и исторических наук. Его тезис состоит в том, что распространение людей по поверхности суши, образование крупных поселений, расширение коммуникаций одновременно принадлежит и к истории человечества, и к естественной истории Земли.

Гердер мечтал о том, чтобы вместо череды непрерывных войн настало время гуманной истории человечества. Но он мыслил ее не как результат колонизации и христианизации якобы диких нецивилизованных народов. Каждый народ развивается по-своему в зависимости от строения географического, культурного и социального ландшафта. Однако в каждой культуре есть начала гуманности и свободы. Гердер не дает их определения, иначе он был бы вынужден навязывать его остальным, как это делают нынешние правозащитники. Формализм в данном случае — это не недостаток, а достоинство. Важно, чтобы каждый народ строил свою жизнь на этих началах, а то, как он их реализует, это уже зависит от имеющихся возможностей. Таким образом, Гердер учит нас, что процесс глобализации может протекать не путем евро-американской модерниза-

ции якобы отсталых народов, а как мирное соревнование своеобразных цивилизаций. Речь идет не об умозрительных проектах, а о формах жизни. Не отрицая заслуг капитализма по части достижения благоденствия, нельзя забывать, что, во-первых, оно строится ценой бедственного положения стран третьего мира, а во-вторых, имеет негативные последствия и для жителей первого мира. Для их преодоления им придется кое-что усвоить и из традиционной культуры. Думается, именно этого и хотел Гердер, противопоставлявший революционному террору во Франции и либеральным реформам в Англии модель консервативной революции. Подобно Вольтеру и Дидро Гердер также задумал написать политический проект для русской императрицы, в котором приспособлял идеи Монтескье к условиям России. Он полагал, что законодательство должно соответствовать обычаям народа. Гердер мечтал о том, чтобы именно в России осуществить просвещение по немецкому образцу и продвигать его на Восток.

Современная история становится «космической» не только в смысле выхода человека в космос, но и благодаря поистине планетному масштабу последствий развития науки и техники. Универсальный подход к истории сегодня продолжила синергетика. Однако представители этого направления работают в принципиально новых условиях. Во времена Гердера, Гегеля и Гумбольдта исторический мир пришел в движение, природа на этом фоне казалась сложившейся и уже неизменной, что и служило поводом синтеза истории природы и истории общества. Наоборот, глобализация сделала наш мир настолько неустойчивым, что наиболее популярной стала та часть синергетики, которая называется теория катастроф. Конечно, сегодня мы знаем о развитии природы, об антропогенезе, о всемирной истории гораздо больше, чем во времена Гердера. Но мы не слишком продвинулись в понимании их взаимосвязи. Фактов много, не хватает смелых плодотворных философских обобщений. Современные философы уже не осмеливаются строить системы, охватывающие различные, изучаемые конкретными научными дисциплинами регионы бытия. На это решаются разве что талантливые дилетанты, а не профессиональные философы. Собственно, популярная ныне синергетика является продуктом научной мысли, произрастающей на поле брошенном философами. Но, как известно, наука без философии слепа. Поэтому необходима философская рефлексия общенаучных построений, синтезирующих результаты наук о человеке, природе и обществе.

§ 26. Свобода и история

Государство и свобода в философии истории Гегеля. Проект единства эпохи Просвещения основан на допущении разумности человека. Важная роль в понимании природы государства принадлежит Руссо. Государство — это организм со своим телом и душой. Суверен является представителем разумной воли народа. Но где такой идеальный народ? Сегодня говорят о толпе, которой нужен мудрый начальник — властвующая элита. Народ хочет блага, но не знает, как его достичь. Таким образом, речь идет о перманентной диктатуре. Для нее ключевым оказывается понятие учреждающего действия, постоянного исправления конституции. Право

выступает не как нечто незыблемое — естественное или заповеданное Богом, а как социальная конструкция.

По Гегелю, разум является общим для всех, он связывает людей в мировое целое. В определенную эпоху все обретает свое значение путем сопряжения с энергией, которая придает основное направление этой эпохе. Она выражается в камне, в художественных полотнах, в деяниях и речах. Она объективируется в конституции и законодательстве наций. Рациональное начало преобразует и государственное устройство. Организационным центром властных полномочий становится чиновничество, которое берет на себя задачу рационального регулирования всех сфер жизни. Выражением данного тренда и является «Философия права» Гегеля, где он пытался построить модель идеального государства.

Гегель был философски основательным идеологом государственного единства. В понятиях целостности или тотальности он концептуализировал опыт соотношения государства и революции, в его философии чувствуется влияние просветителей и романтиков. Гегель искал единства государства, человека и Бога. В «Феноменологии духа» существенно то, что человек осознает себя как соучастника Бога. Поэтому его экзистенциальные самопреодоления оказываются важнейшей частью священной истории.

Гегель определял Просвещение как желание действовать посредством рассудка. Он служит объективной религии (теологии), но не способен превратить теоретические принципы в практические. Он разыскивает оправдание для всякой страсти, является слугой себялюбия. «Просвещение, — писал Гегель, — делает человека умнее, но не делает его лучше»⁸. Он критиковал религию церкви и хотел сделать ее субъективной. Субъективная религия — это дело сердца, которое является источником моральных чувств и, прежде всего, совести. Однако когда речь заходит о требовании стряхнуть с себя жизненные заботы, презреть богатство, оно объявляется общим местом, литанией, которую нельзя принимать всерьез: «Собственность и ее судьба стали для нас слишком важными, чтобы рефлексия такого рода могла быть для нас приемлемой, отказ от них мыслимым»⁹.

Согласно Гегелю, в мире господствует разум, а бытие — это воплощение идеи. Реализованная в пространстве, она образует природу, а осуществляемая во времени — историю. Таким образом, история есть ни что иное, как развитие духа. Этот принцип выражал самосознание среднего класса, который понимал человека как властелина природы, переклещающего мир посредством техники. Как природное существо человек определен временем и местом рождения. Поэтому история описывается в понятиях «народ», «государство», «право», «общество», «класс», «сословие», «индивид», «хозяйство», «труд», «капитал», «собственность». Однако как мыслящий субъект человек возвышается над этими определениями и становится медиумом мирового духа. С этой точки зрения история есть прогресс свободы. Но на самом деле мы наблюдаем в истории борьбу людей, борющихся за свои интересы. Выход из этого противоречия Гегель видит в том, что преследующие свои цели индивиды способствуют развитию мирового духа.

Гегель описывал драму истории более глубоко, чем просветители. Он обратил внимание на периоды не только подъема, но и упадка. «Во всемирной истории есть несколько больших периодов, которые прошли таким образом, что развитие, по-видимому, не продвигалось вперед, а напротив того, все огромные культурные приобретения уничтожались; после этого, к несчастью, приходилось начинать опять сызнова»¹⁰. Объяснение этому факту Гегель дал на основе нового понимания исторических закономерностей. История это не только прогресс свободы, но развитие *сознания* свободы. Исторические тенденции становятся закономерностями, если человек их постигает и реализует. Конечно, большинство людей заняты своими личными делами, а не творчеством истории. Великими, всемирно-историческими личностями становятся такие индивиды, которые предвосхищают новое: то, за что они боролись, и было истиной их времени.

Конечным субъектом истории, по Гегелю, является мировой дух, который реализуется в форме социальных институтов и культурных достижений. Люди работают или воюют, но, по сути дела, не достигают своих целей. Плоды их труда достаются будущим поколениям. «Всемирная история не есть арена счастья»¹¹. Поэтому по большому счету люди живут и действуют не для себя, а ради высших интересов.

Согласно Гегелю история как развитие свободы проходит три этапа: восточный, греко-римский, германо-христианский. Восточные народы знают свободу одного и рабство остальных. Отсюда деспотизм. У греков только некоторые свободны, остальные рабы. Отсюда демократия и аристократия. И только христианские народы признают, что человек свободен как таковой. Высшей государственной формой Гегель считал конституционную монархию, в которой господствуют право и закон. Развитие свободы начинается с собственности и находит себя во всеобщем господстве законов, гарантирующих равное право на собственность, и завершается государством, способным справиться с антагонизмами, порожденными борьбой за собственность.

Национальную историю Гегель понимает как проявление всеобщей истории. Историю народа надо оценивать сообразно тому, какой вклад этот народ внес в развитие самосознания свободы. Благодаря Реформации, Германия превратилась в конституционную монархию, которую Гегель расценил как первую успешную попытку разумной и свободной организации общественно-политических отношений, как высшее и окончательное для своего времени осуществление свободы.

Впрочем, в истории Гегель видел не только реализацию свободы, но и отчуждения человека. Поглощенный ростом богатства, он забывает о свободе и подчиняется логике экономических, социальных и политических институтов: «Дух хочет понять самого себя, но сам он скрывает от себя свое понятие, кичится и находит удовлетворение в этом отчуждении от самого себя»¹². Тема отчуждения в дальнейшем была подхвачена К. Марксом, а в XX в. продолжена М. Хайдеггером в теории «забвения бытия».

История и отчуждение. Маркс. История описывается через призму таких базовых понятий, как «рабовладельческий строй», «феодализм»,

«капитализм», «социализм». Этим понятиям соответствуют крупные «исторические формации», особенности которых историки описывают в терминах более общих социально-политических, экономических и юридических наук. Примером тому является влияние на историю марксизма. Согласно Марксу, при капитализме продукты труда становятся товарами, вещами чувственно-сверхчувственными. Тайнственность товарной формы в том, что она есть определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами.

Главным аргументом Маркса против буржуазного общества является всеобщее отчуждение, от которого может избавиться только пролетарская революция, ибо, освободив себя, рабочий освободит все общество. Ведь именно он своим трудом — тем, что ходит на работу, а потом за покупками — воспроизводит и поддерживает существующий порядок отчуждения. Человек превращен не просто в рабочую силу, а в товар, который продается и покупается. Так люди становятся функционерами системы. Докапиталистический человек — это естественный человек. Хозяйство служит ему, а не наоборот: он производит столько благ, сколько потребляет. Доходы определены расходами. Потребность в благах зависит от общественного положения и санкционирована моралью и правом. Отсюда резкое различие богатых и бедных. Господин живет полной жизнью. Его расходы превышают доходы, деньги существуют, чтобы их тратить, а не копить. Наоборот, для бедных главной проблемой является пропитание. Крестьяне должны были иметь необходимое количество земли. Также и ремесло должно было прокормить работника и его семью.

В рамках докапиталистического хозяйства имела место жажда жизни, но не она определяла хозяйственную деятельность. Большинство хозяйствующих субъектов руководствовались инстинктом. Отсюда слабо развитая бухгалтерия, которая в средние века сводилась к записи покупок и продаж. Другая черта докапиталистического хозяйства — медленный темп скорее лень, чем трудолюбие. Предпринимательский дух — это синтез жажды денег, страсти к приключениям, изобретательности. Мещанский дух — это благоразумие, склонность к расчету и предусмотрительность. Капитализм же является синтезом предпринимательского и мещанского духа.

Почему капитализм связывают с товарным производством? Разве не всегда люди что-то производили и продавали, чтобы обменять свои изделия на другие необходимые продукты или вещи? Те или иные формы обмена находят в самых примитивных обществах. Открытие капитализма состоит в том, что товаром становится рабочая сила. Товарные отношения преобразуют все формы объективности, и соответствующие им формы субъективности в буржуазном обществе. По Марксу это ведет к отчуждению. Но еще А. Смит в отличие от христианских авторов считал рынок демократической формой обмена. Если раньше обмен имел явно неэквивалентный характер, то теперь вещи оцениваются по количеству вложенного труда. Раньше брали подати, при капитализме товары продают по цене, которая устанавливается рынком.

К оценке капитализма нельзя подходить как обыватель, с подозрением во всеобщем обмане. Вряд ли общество стало бы долго мириться с насилием. В конце концов, те, кого обманывают и эксплуатируют, находят способ к освобождению. Колонии добились независимости, пролетарии поднялись с колен и борются за свои права. Так или иначе, возможность увеличения капитала обманом и насилием постоянно уменьшается. Очевидно, если буржуазия живет обманом и эксплуатацией остальных, то рано или поздно она окажется низвергнутой. Поскольку Маркс настаивал на неизбежности революции, постольку он не был чужд христианскому взгляду на историю как угнетение. Но все-таки Маркс не отрицал, что буржуазное общество основано на эквивалентном обмене, исключающем обман и нечестоплотность в делах. Суть рынка не в возможности обмануть покупателя, а, наоборот, в возможности справедливого обмена.

Моральные и социальные формулы рынка жесткие, но по-своему справедливые: «Кто не работает, тот не ест», «Как ты мне, так и я тебе».

История показывает, что они могут применяться по-разному, в зависимости от того, как понимается «паразитический» класс. На заре буржуазного общества изоляции и перевоспитанию подлежали нищие и бродяги. После революции в России трудовая повинность была наложена на «бывших», т.е. на остатки не эмигрировавшего «праздного» класса. Но речь не шла о том, чтобы превратить их в новых рабов или крепостных. Ни буржуа, ни тем более пролетарии не мечтали стать новыми рабовладельцами или помещиками. Они боролись за то, чтобы источником богатства был труд, и за справедливое распределение продуктов.

Такие понятия политической философии, как «капитализм» и «социализм» следует применять по отношению к истории с особой осторожностью. «Реальный социализм» имел мало общего с политическими утопиями. Точно также капитализм, даже в развитых странах, отличается от моделей политэкономии. Современное общество скорее напоминает «слоеный пирог», где сосуществуют различные формы жизни и коллективные представления. Инновационная составляющая, будь то «социальное государство» или «цивилизованное общество», конечно, является определяющей, но при этом вовсе не обязательно уничтожать старые порядки до того, как сложатся новые. В этом и состоит «здоровый консерватизм», которого обычно придерживаются историки.

Задания

Для самоконтроля:

1. Согласны ли вы с тем, что наличие культуры обеспечивает независимость истории от природы?
2. Какие события должны реконструировать историки: войны, «труды и дни», т.е. хозяйственные и иные культурные достижения, научные и технические открытия, поступки великих людей или движения масс?
3. Какова роль разума в развитии истории?

Для закрепления материала:

4. Выпишите в тетрадь основные ответы на вопрос «Что такое история?»

5. Заполните таблицу: «Условия возникновения истории».

Биологические	Социальные

Для обсуждения:

6. Объединившись в группы по 4 человека обсудите и сформулируйте в письменном виде вопросы, которые Вы хотели бы задать учителю для разъяснения.

7. Продолжая работать в той же группе, обсудите выражение С.М. Соловьева: «Если к каждому частному человеку можно обратиться с вопросом: “Скажи нам, с кем ты знаком, и мы скажем тебе, кто ты таков”, – то к целому народу можно обратиться со следующими словами: “Расскажи нам свою историю, и мы скажем тебе, кто ты таков”». Попробуйте разъяснить смысл этого выражения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // *Кант И.* Соч. В 6 т. Т. 6. – М., 1966. – С. 7 – 8.

² *Кант И.* К вечному миру // *Кант И.* Соч. Т. 6. – С. 286.

³ *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Там же. – С. 8.

⁴ Там же. – С. 11.

⁵ *Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества. – М., 1977. – С. 17.

⁶ Там же. – С. 25.

⁷ Там же. – С. 29.

⁸ *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет. Т. 1. – М., 1972. – С. 58.

⁹ *Гегель Г.В.Ф.* Дух Христианства и его судьба // *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии. – М., 1975. – С. 116.

¹⁰ *Гегель Г.В.Ф.* Философия истории. – СПб., 1993. – С. 104 – 105.

¹¹ Там же. – С. 79.

¹² Там же. – С. 104.

Аннотация

В статье раскрывается содержание основных концепций истории, разработанных в классической философии. Указываются недостатки и достоинства историзма. Доказывается необходимость сохранения традиций в условиях современности.

Ключевые слова: философия истории, история, историзм, прогресс, память, прошлое, настоящее, модернизация.

Summary

In clause the contents of the basic concepts of a history developed in classical philosophy is opened. The lacks and advantages historicity are specified. The necessity of preservation of traditions for conditions of modernity is proved.

Keywords: Philosophy of a history, history, historicity, progress, memory, last, present, modernization.